

12. Гелен А. О систематике антропологии / Проблема человека в западной философии: Переводы. – М.: Прогресс, 1988.
13. Шелер М. Положение человека в Космосе / Проблема человека в западной философии: Переводы. – М.: Прогресс, 1988.
14. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. – М.: Мысль, 1974.
15. Плеснер Х. Ступени органического и человек / Проблема человека в западной философии: Переводы. – М.: Прогресс, 1988.
16. Фромм Э. Пути из больного общества / Проблема человека в западной философии: Переводы. – М.: Прогресс, 1988.
17. Чудомех В.Н. Целостность живого в контексте современного естествознания (онтологические основы). Рукопись. Кандидатская диссертация. – Симферополь: ТНУ им. В.И. Вернадского, 2003.
18. Алексеев В.П. Становление человечества. – М.: Политиздат, 1984.
19. Рогинский Я.Я. Проблемы антропогенеза. Изд. 2-е доп. – М: Высшая школа, 1977.

Шевчук А.Г.

ФАКТОРЫ ДИНАМИКИ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ

В периоды смены общественных ориентиров территориальные этноконфессиональные системы приобретают ускоренный характер развития большинства внутри- и межсистемных процессов. Возникает необходимость классификации тех побудительных причин или факторов, которые способствуют возникновению или затуханию этноконфессиональной динамики.

Цель данной работы заключалась в поиске и систематизации социокультурных оснований развития этнических и конфессиональных компонентов общества на глобальном и регионально-страновом уровнях.

Проблематика географического исследования этноконфессиональных процессов существует в настоящее время, во-первых, в обособленных контекстах, т.е. этнические и конфессиональные процессы изучаются как отдельные феномены, а во-вторых, отсутствует интегральная типология факторов возникновения и развития *современных* этноконфессиональных процессов для различных территориальных уровней организации общества. Наиболее полную, но требующую критического осмысления с позиций современных общественных трансформаций, типологическую схему этнических процессов и факторов их формирования приводили ещё в 50 - 70-х годах прошлого века П.И.Кушнер, В.И Козлов, В.В.Покшишевский, а также М.В.Крюков [1,2,3,4]. Географические исследования конфессиональной процессологии в советский период практически отсутствовали.

В конце прошлого века отечественных этноспециалистов всерьёз заинтересовали поиски факторов этничности [5,6,7,8]. При этом этничность стала трактоваться в духе работ наиболее признанного её теоретика норвежского ученого Фредерика Барта. Им ещё в конце 60-х годов

XX в. было высказано мнение о том, что «этничность – это форма социальной организации культурных различий», и центральным моментом в научном анализе данного феномена является этническая граница, которая определяет группу, а не сам по себе содержащийся в пределах этих границ культурный материал [9,10,11]. Иными словами исследователя должно волновать не выискивание причин эволюционного складывания человеческих групп в племена, роды, народности, а процесс формирования в индивидуальном сознании членов этих групп таких компонентов, как общие ценности, верования, нормы поведения, самосознание, общая групповая память и лояльность к представителям иных групп, т.е. всего того комплекса ощущений, который принято называть идентичностью.

Американский этносоциолог В.Соллорс, дополняя Ф.Барта, отмечал, что этничность – « это не предмет, а процесс», процесс определения индивидуальной или групповой идентичности, понимания этнической принадлежности, который заменяет видимые, конкретные общности и который может мобилизовать людей. В целом, считает В.Соллорс, этничность не является унаследованным от прошлого феноменом, а компонентом модернизма, символической конструкцией, «сооруженной на согласии, современности и вызове» [12, с.366].

Значительная часть западных ученых рассматривают этничность как специфический тип идеологии. Среди сторонников такого подхода известные американские социолог Д.Белл и политолог Ф.Риггс. В своем словаре «Этничность.Аспекты содержания» Фрэд Риггс отмечает, что основным свойством этничности является «способность этнических групп преследовать определенные цели или защищать свои интересы. Характерно, что этничность зачастую возникает как реакция в условиях соперничества различных групп или же формируется в рамках большого общества, организованного в виде государства или империи» [13, с.13]. Этничность как политическая идеология должна, по мнению С. Холла и Э. Вулфа, пребывать в оппозиции к классовой идеологии [14, 15], а Г. Ганс связывает этничность с «символическим взаимодействием» различными групп людей, предполагая, что индивиды взаимодействуют в обществе не столько согласно понятиям реального бытия, сколько в соответствии с различными категориями и концепциями, которые они сами о себе сформулировали [12, с.366].

Таким образом, представление об этничности, сложившееся в настоящее время среди этноспециалистов позволяет рассматривать её как комплексное образование (культурологическое, психологическое, идеологическое), имеющее субъективную природу, возникающее ситуативно в зависимости от степени сфор-

ФАКТОРЫ ДИНАМИКИ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ

мированности самосознания индивидов или группы индивидов. Идентичность – центральное звено этничности. Как одна из основных характеристик людей идентичность – многообразна. Чаще всего выделяются этническая, конфессиональная, политическая и региональная идентичности. Последний вариант идентичности – наиболее универсальная форма самоопределения людей, появляющаяся в конкретном пространстве. Региональная идентичность часто ассоциируется с региональным патриотизмом, что принимается неоднозначно научным сообществом. Но для географов в изучении идентичности особенно важен её пространственный, а вернее, территориальный, аспект формирования, поскольку только в этом аспекте они могут охарактеризовать её как связующий компонент в территориальных этноконфессиональных системах. Идентичность как социокультурный феномен выполняет охранительную функцию в процессе формирования системы ценностей и традиций у этносов и конфессий.

Следовательно, поиск факторов динамичности территориальных этноконфессиональных систем (ТЭКС) следует вести от тех источников, которые наиболее активно воздействуют на формирование этнической и конфессиональной идентичности. Нам представляется, что существуют два универсальных источника индивидуальной и групповой идентичности: *территория и взаимоотношения людей*.

Территория – это оперативный базис общества, основной носитель материальности в ТЭКС, а люди или группы людей выполняют функцию информационного фильтра, впитывающего информацию о свойствах территориальных ресурсов и формирующего на этой основе свои представления о собственной отличительности.

В разряд территориальных факторов, влияющих на идентичность этносов и конфессий, можно отнести ландшафтное разнообразие, геоморфологические и климатические особенности территории, её географическое положение, специфику формирования коммуникационных сетей (инфраструктурных и собственно информационных), способы сохранения коллективной исторической памяти и культурного разнообразия народов, особенности систем расселения населения и хозяйственного освоения территории, миграционную подвижность населения, степень социальной стратифицированности общества и сформированности в нем религиозного сознания, роль государства и властных элит в оформлении этнической и конфессиональной идентичности его членов и др.

Все перечисленные выше факторы, созидающие человеческую идентичность в пределах конкретных территорий, можно сгруппировать в три блока: *географические* (связанные с влиянием места), *коммуникативные* (влияние культуры) и *социальные* (влияние обстоятельств и власти) (см. рис. 1).

Совокупное действие этих факторов может проявляться на двух территориальных уровнях: глобальном и регионально-страновом. Регионально-страновой уровень определен нами как наиболее комплексное и универсальное пространственное образование. В пределах страны всегда возможно выделение регионов, имеющих специфические особенности возникновения и развития этноконфессиональных систем. Подобная же операция вероятна и в обратном порядке, т.е. в пределах регионов всегда возможно выделить либо уникальные в этноконфессиональном плане страны, либо специфические территории иного, более низкого, иерархического уровня.

Факторы, определяющие формирование территориальных этноконфессиональных систем, способны ускорить этот процесс, т.е. проявить себя как *системоформирующие*, либо замедлить или вообще временно прекратить образование и развитие ТЭКС. В этом случае можно говорить о проявлении *системостагнирующих* факторов. Так, например, формирование советской идентичности в бывшем СССР предполагало её дополненность с атеистическим мировоззрением. Таким образом, процесс оформления конфессиональных компонентов ТЭКС замедлялся и, по сути, стагнировал.

Классифицируя факторы развития ТЭКС целесообразно выделить среди них те, которые проявляются как глобальные и регионально-страновые тенденции или *факторы 1-го и 2-го порядков*, а также внесистемные функциональные *факторы 3-го и 4-го порядков*. Две последние группы факторов связаны с различными вариантами влияния на образование ТЭКС: факторы третьего порядка группируются по принципу своеобразной специализации воздействия на этот процесс (географического, коммуникативного, социального), а факторы четвертого порядка объединяет функция конструктивного (системоформирующего) или деструктивного (системостагнирующего) влияния на систему.

Следует учесть, что факторы, которые формируют ТЭКС, достаточно мобильны во времени. К примеру, фактор глобализации мирового хозяйства и связанного с этим усиления экономического неравенства этносов, а также оживление национализма и религиозного фундаментализма, стали наиболее активными маркерами лишь последнего десятилетия XX – первого десятилетия XXI веков. Учитывая историко-временную природу факторов формирования ТЭКС их можно именовать «факторами динамики» территориальных этноконфессиональных систем, подразумевая под динамикой ситуативный характер возникновения и проявления как самих факторов, так и сформированных под их влиянием систем.

Существенным моментом в процессе осмысления сущности ТЭКС является вопрос о тех процессах, которые возникают в этих системах под воздействием описанных выше факторов, и поддаются географическому изучению. Разумеется, осмыслить всё разнообразие процессов, присущих этническим и конфессиональным общностям, весьма сложно. Ведь они протекают совершенно по-разному в зависимости от бесчисленных местных обстоятельств или под воздействием этнической анизотропии, т.е. свойства этногрупп под влиянием одного и того же фактора совершенно по-разному реагировать на него.

В общесистемном плане процессы, возникающие внутри- и между этноконфессиональными общностями могут быть квалифицированы как *эволюционные и трансформационные*. Эволюционные процессы обусловлены социально-экономическим развитием этнических и конфессиональных общностей и контактами этих общностей с иными народами, трансформационные процессы связаны только с взаимодействием собственно этнических и конфессиональных общностей или их частей. Трансформационные процессы, в отличие от эволюционных, могут стать причиной смены этнического самосознания в различных этнических общностях, «... а иногда даже прекращения существования одних и появления других этнических общностей» [12, с.364]. Трансформационные процессы включают консолидацию (внутрисистемную и межсистемную), интеграцию, а также процессы-антиподы: дифференциацию и дезинтеграцию этносов и конфессий.

Под консолидацией в этнологии традиционно понимается процесс увеличения численности этноса благодаря постепенному стиранию культурно-языковых и бытовых различий между субэтносами и росту общэтнического самосознания (внутриэтническая консолидация). Кроме того, существуют процессы объединения нескольких родственных этнических общностей в одну, новую общность (межэтническая консолидация). Интеграция предполагает процесс формирования политической нации при сохранении собственно этнических черт каждой из объединяющихся групп [там же, с.349, 386].

Очевидно, что в этнической подсистеме ТЭКС наиболее четко проявятся так называемые «специфически этнические процессы», под которыми этногеографы понимают всякое изменение «состояния этнических общностей» [3,16,17, 18, 19], а этнологи – «изменение этнического самосознания людей» [6, 8, 20, 21]. Среди этих специализированных процессов этноспециалисты наиболее часто анализируют этническую адаптацию и ассимиляцию.

В конфессиональной подсистеме труднее обнаружить «специализированные» процессы, которые имели бы пространственную выраженность и составляли таким образом интерес для географов. В современной географии религий существуют две исторически достоверных традиции исследования религиозных процессов.

Первая связана с именем И.Канта, предлагавшего изучать отдельные религиозные направления в конкретных природных и социокультурных условиях разных стран, а также выявлять влияние различных религий на этнокультурные процессы в них и обратное действие внешних условий на религию в ходе её распространения [22, с.11]. Иное направление мысли сформулировано К.Риттером, который ввел в географическую науку понятие «пространственные отношения» и представление о важности пространственного принципа для географии. «В трудах Риттера – глубоко верующего человека – находим представление о земле как творении божьем или выражении божественного откровения»... [23, с.67]. Глубокая приверженность К.Риттера религиозному чувству не мешала ему достаточно прагматично сформулировать смысл взаимоотношений «религия – территория». По К.Риттеру, география религий должна выявлять особенности функционирования и взаимодействия различных религиозных направлений на определенной территории, а также тех структур, которые возникают в результате этого взаимодействия [там же].

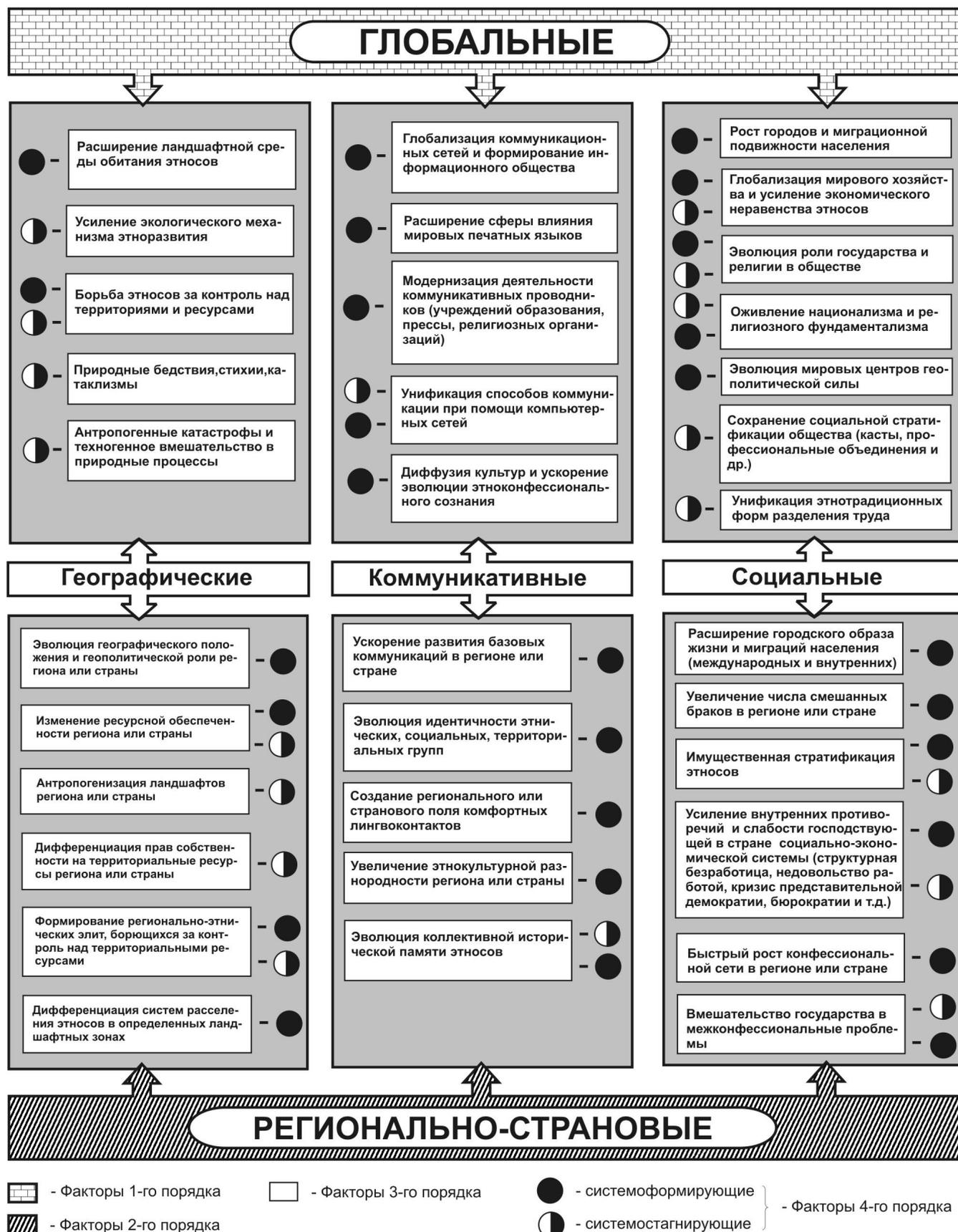
Неуловимое на первый взгляд различие исследовательских позиций И.Канта и К.Риттера при более внимательном анализе показывает, что первый не предполагал существование активного начала у религий в созидании пространства, а К.Риттер отвел религиозным направлениям, получившим развитие на конкретной территории, роль процессформирующего центра.

Современные исследования религии, как правило, постулируют два основных её свойства: социальный, а не индивидуалистический характер происхождения, и важность влияния на религию исторических условий [8, 24]. По сути, это кантовское понимание религии как пассивного начала, лишённого пространственной самостоятельности. Если исследовать религиозные процессы как самостоятельные величины в пространстве, т.е., следуя риттеровской традиции, то можно заметить, что и в них, подобно этническим процессам, обнаруживается либо эволюционный, либо трансформационный характер.

Основным эволюционным процессом в религиозной сфере постсоциалистических государств, связанным с изменением характера взаимоотношений Государства и Церкви, можно считать сужение сферы влияния огосударственного атеизма и расширение числа тех, кто манифестирует свою идентичность при помощи религиозных символов. Чаще всего этот процесс называется в современной политологической литературе «возвращение религии» или «культурно-религиозное возрождение» [25,26,27]. С этим процессом могут быть связаны определенные трансформации пространственного характера. В географии их можно исследовать как проблему увеличения или уменьшения религиозного разнообразия территории.

В число трансформационных конфессиональных процессов постсоветского пространства можно отнести дифференциацию канонической территории православия, расширение в её пределах деятельности новых субъектов религиозного влияния (католических и протестантских церквей). Среди современных трансформационных процессов в конфессиональной подсистеме постсоветских государств можно обнаружить и церковные расколы, нарушающие территориальную целостность канонической территории того же православия (к примеру, появление Украинской православной церкви Киевского патриархата), и стремление постсоветской церковной элиты получить в своих государствах особую митрополию, и сектантство, и появление нетрадиционных религиозных толков, и политизацию религиозной жизни с проявлениями в ней элементов радикализма и др.) [28,29].

Рис.1 Классификация факторов динамики территориальных этноконфессиональных систем в конце XX - начале XXI в.в.

Гораздо труднее среди современных трансформаций в религиозной сфере постсоветского пространства обнаружить объединительные процессы, поскольку в этой подсистеме всегда остается возможность сохранения различий в трактовке духовных ценностей представителями разных церквей. Впрочем, православие Украины пытается сегодня на основе религиозно - политического раскола прийти к новой форме объединения: отколовшаяся от УПЦ Московского патриархата Украинская православная церковь (Киевского патриархата) и Украинская автокефальная православная церковь подписали в мае 2005 г. Акт начала объединительного процесса, на подписание которого в Тернополь приехали и священнослужители Украинской греко-католической церкви [30]. Станет ли это объединение началом Украинской поместной церкви покажет время. Пока же уместно вспомнить слова историка Вл.Соловьева, сторонника Соборности и объединения православных церквей, считавшего тем не менее совершенно неприемлемым и невозможным их «слияние» по причине разрушения тех историко-культурных форм, в которых эти церкви существуют [цит. по 31, с.14].

Таким образом, этнические и конфессиональные процессы, будучи порождением множества факторов, проявляют в пространстве свойство эволюционировать и трансформироваться. Эти магистральные направления развития этноконфессиональной изменчивости территориальных общностей имеют свою стратегию познания.

Источники и литература

1. Кушнер (Кнышев) П.И. Этнические территории и этнические границы. – М., 1951.- С.18,21.
2. Козлов В.И. Динамика численности народов. Методология исследования и основные факторы. – М., 1969. – С.20.
3. Покшишевский В.В. Население и география. Теоретические очерки. – М.: Мысль,1978. – 315 с.
4. Крюков М.В. Этнические процессы в СССР и некоторые аспекты всесоюзных переписей населения // Советская этнография. – 1989.- №2. – С.24-35.
5. Соколовский С.В. Этничность как память: Парадигма этнологического знания // Этнокогнитология. Вып.1. Подходы к изучению этнической идентичности. – М., 1994. – С.9-36.
6. Чешко С.В. Человек и этничность // Этнографическое обозрение. - 1994.- №6. – С.42-44.
7. Арутюнов С.А. Этничность – объективная реальность // Этнографическое обозрение. – 1995. - №5. – С.7-10.
8. Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. – М.: Наука, 2003. – 544 с.
9. Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Culture Differences / Ed. F.Barth. Bergen; London, 1969. P.15-16.
10. Barth F. The Analysis of Culture in Complex Societies // Ethnos. 1989. Vol.54. P.120-142.
11. Barth F. Enduring and Emerging Issues in the Analysis of Ethnicity // The Anthropology of Ethnicity. Beyond “Ethnic Groups and Boundaries” / Ed. H.Vermeulen, C.Govers. Amsterdam, 1994. P.11-32.
12. Міграційні процеси у сучасному світі: світовий, регіональний та національний виміри: Енциклопедія / За ред. Ю.Римаренка. – К.: Довіра, 1998. – 912 с.
13. Riggs, Fred F. (ed.) Ethnicity. INTERCOSTA Glossary. Concepts and Terms Used in Ethnicity Research. Honolulu: International Social Science Council, 1985. P.11-23.
14. Hall S. The Local and Global: Globalization and Ethnicity // Culture, Globalization and World System / Ed. A.King. L., P.19-39.
15. Wolf E.R. Ethnicity and Nationhood // Journal of Ethnic Studies. 1988. Vol.21.- P.27-32.
16. Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. – М.: Наука, 1973. – 287 с.
17. Роль географического фактора в истории докапиталистических обществ (по этнографическим данным). – Л.,1984. – С.14-15.
18. Козлов В.И. Этническая демография. – М.: Статистика, 1977. – 240 с.
19. Ковалев С.А., Ковальская Н.Я. География населения СССР. – М.: изд-во МГУ, 1980. – 287 с.
20. Horowitz, Donald. Ethnic Groups in Conflict. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1985. – P.95-182.
21. Лобжанидзе А.А., Горохов С.А., Заяц Д.В. Этногеография и география религий. – М.: Академия. – 2005. – 172 с.
22. Павлов С.В., Мезенцев К.В., Любичева О.О. Географія релігій: Навчальний посібник. – К.: АртЕк, 1999. – 504 с.
23. Сухова Н.Г. Карл Риттер и географическая наука в России. – Л.: Наука, 1990. – 206 с.
24. Токарев С.А. Ранние формы религии. – М.: Политиздат, 1990. – 622 с.
25. Єленський В. Нація і релігія: Україна // Людина і світ. – 2003. - № 6. – С.39-48.
26. Аксютчиц В. Атеистическая идеология. Государство. Церковь. / Русское зарубежье в год тысячелетия крещения Руси: Сборник. – М.: Столица, 1991. – С.213-234.
27. Архимандрит Платон. Церковь как явление тысячелетней истории и культуры. / СССР: демографический диагноз / Сост. В.И.Мукомель. – М.: Прогресс, 1990. – С.113-128.
28. Формирование канонической территории РПЦ. Справка // Отечественные записки. – 2002. - №6-7. – С.101-108.

29. Эпштейн М. Новое сектантство. Типы религиозно-философских убонастроений в России (70-80 гг. XX в.). – М.: Лабиринт, 1994. – 171 с.
30. Илюшина И. Святое дело // Корреспондент. - 11 июня 2005 г. - №22. – С.58-60.
31. Мальгин А. Украина: соборность и регионализм. – Симферополь: Сонат, 2005. – 277 с.

Ядрова Г.В.

НАУЧНЫЙ ТЕРМИН КАК НОВЫЙ ИМПУЛЬС К РАЗВИТИЮ БИБЛИОТЕЧНОЙ ОТРАСЛИ

Формулировка проблемы. Библиотека – это социальный институт общества [1]. Одна из основных её функций – информационная. Естественно, что при строительстве самого информационного общества эта функция переходит в ранг приоритетных. Любые приоритетные направления развития деятельности социальных институтов общества должны обеспечиваться государством. Поэтому государство и стимулирует развитие теоретической, нормативно-правовой [2] и практической (производственной) базы [3]. Между тем в условиях реформирования общества государственные структуры, отвечающие за продвижение информационных технологий, сами находятся в сложнейшем периоде реорганизации и поиска новых форм функционирования и финансирования. Поэтому проблемы продвижения и применения компьютерных технологий в различных сферах жизнедеятельности общества в настоящий момент наиболее эффективно решает наука. Насколько создавшееся положение позволяет развиваться библиотечной отрасли? Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо изучить степень влияния компьютерных технологий на развитие производственной базы библиотек и так же на появление новых форм электронной информационной продукции, как конечного результата производственной деятельности библиотек.

Изложение основного материала исследования. В теоретическом обосновании и обеспечении бурного развития информационных технологий в библиотечном деле наиболее активно участвовали представители технических наук. Поэтому сформировалась тенденция, при которой уровень развития информационных технологий в каждой конкретной библиотеке и в целом в библиотечной отрасли зачастую оценивается с точки зрения показателей технического обеспечения производственных процессов и характеристик создаваемой и внедренной программной продукции. Библиотеки приняли этот наиболее легкий путь оценки и отчета о своей деятельности. Так как, несмотря на финансовые трудности, с которыми они столкнулись на переходном этапе реформирования общества, было понятно, что вопрос о материальном обеспечении учреждений культуры решало государство, а поэтому именно оно несет ответственность за медленное развитие этих технологий. Кроме того, постепенный выход государств постсоветского пространства из экономического кризиса автоматически решал вопрос о возрастании поставки технического и программного обеспечения в библиотеки. Это позволяло ученым [4] и администрации библиотек языком конкретных, очень понятных обществу цифр составлять отчет о развитии информационных технологий и о своей деятельности в этом направлении: АРМ – столько-то, процессов освоено столько-то, количество записей возросло на столько-то и т.д..

Таким образом, на настоящий момент даже аналитические отчеты о теоретическом обеспечении библиотечной отрасли в сфере развития информационных технологий изобилуют перечислением новых разработанных или освоенных программных продуктов, количественной характеристикой объемов внедряемого компьютерного оборудования и создаваемого на его основе электронного продукта (информационного, реже полнотекстового). Но явно недостаточен объем информации о том, насколько создаваемые электронные продукты соответствуют запросам пользователей и степени развития компьютерных технологий. И это не представляется проблемой, если бы эти вопросы активно ставились, обсуждались и – самое главное – изучались и контролировались на уровне теории развития библиотечного дела, а на практических базах для научных экспериментов вырабатывались бы научно-практические и методические рекомендации для других участвующих в этом процессе библиотек. Пока этого не происходит, поэтому библиотеки различных уровней и ведомственной принадлежности активно участвуют в этом процессе, но с точки зрения научного обеспечения и методического руководства участвуют вслепую.

Это положение можно подтвердить одним очень часто повторяющимся примером: очередным докладом-отчетом очередной библиотеки на очередной международной научной конференции, рапортуящим о создании электронного каталога или электронной картотеки. При этом в рапорте опускаются все вопросы, которые хоть как-то отвечают на вопрос, а почему через 10-15 лет участия в этом процессе библиотеки считают это своим достижением. На самом деле это достаточно давно освоенный рутинный процесс, который в основном заключается в том, что все вновь поступающие в библиотеку документы обрабатываются не на печатной машинке, а на компьютере в одной из приобретенных специальных автоматизированных библиотечных программ. То, что на выходе получает пользователь (и к чему усиленно и беспрестанно стремятся библиотекари), можно назвать только электронной копией создаваемого на компьютере печатного каталога или электронной копией печатной картотеки. Это положение повсеместно подтверждается параллельным ведением в библиотеках печатных и электронных каталогов¹.

¹ Правда, электронные каталоги и картотеки всё же условно можно назвать таковыми, если учесть компьютерные технологии, которые в их основу заложили разработчики автоматизированных библиотечных программ (например, системы просмотра, доступа и др.).